

В. М. Акаткин

СОЗВУЧИЯ ДНЕЙ И ЛЕТ...
(ВГУ поэтический)

*Пустует сердце, как скворешня,
Когда не вьется песня в ней.*

Е. Неведрова

*Половодье кипящих строк,
Перекресток различных мнений.
Каждый третий — почти пророк,
Ну, а каждый четвертый — гений.*

А. Пресман

Университет — словно многопалубный корабль, плывущий во времени, и на каждой из палуб идет своя особая жизнь: учебная, научная, общественная, культурная, межличностная, творческая. Но на всех этих палубах одна и та же команда, и чем она дружнее, тем успешнее покоряет корабль неведомые дали. Палуба поэтическая — одна из самых оживленных и разноголосых.

В предисловии к сборнику стихов поэтов-историков «Время и ритмы» (2007) В. С. Рахманин посетовал: «Пока еще не написана история университетской поэзии. А ведь это — светлая и живая струя. И в ней время alma mater, России, мира. В ней — тревоги и радости, боль и исцеление». На его взгляд, антология поэзии «Университетская муза» появилась слишком поздно: только 35 лет спустя после первого Дня поэзии и на 73-м году жизни ВГУ. Что же, сожаления вполне законны, но кому их адресовать? Тем не менее, попробуем как-то реабилитировать незримого и беспечного издателя, перелистав хотя бы отдельные страницы нашей поэтической истории.

Составители и авторы предисловия к «Университетской музе» (1991) писали: «Очень жалеем, что не смогли обнаружить стихи первых лет жизни ВГУ. Знаем, они были. От ветеранов вуза слышали отдельные строки той поры. Поиски эти будут продолжены. Пока же перед нами стихи от пятидесятих до наших дней перестройки и гласности». Университет приближается к своему вековому юбилею, пришла пора оглядеть всю его богатую и сложную историю, в первую очередь поэтическую — она уникальна. Безоговорочно

можно согласиться со словами В. Второва, бывшего сек-

ретаря комитета комсомола ВГУ: «Поэзия властвовала в университете, и это было прекрасно». Даже в начале 90-х, когда казалось, что все рухнет и поэзия никому не нужна (да и культура вообще), газета «Воронежский университет» с гордостью заявляла: «Традициям не будем изменять». Имелся в виду наш День поэзии, к тому времени уже 37-й: «Такое чудо могли придумать только в нашем университете». Спорить не станем: действительно чудо, равного которому нет ни в одном вузе (и по массовости, и по долговременности, и по выходам в большую литературу). Но это чудо не воссияло вдруг, оно было подготовлено многолетним творческим брожением юношей «со взором горящим», всей многослойной интеллектуальной и культурной атмосферой университета. И конечно же, наши поэты никогда не замыкались в стенах своего вуза, они духовно были связаны со всем, что происходило в городе, в стране и в мире.

Не стоит думать, будто университетская поэзия — это единый и неостановимый процесс, кем-то запрограммированный и запущенный, словно конвейер. Во многом она результат случайных сцеплений, непредсказуемых вдохновений, честолюбивых устремлений, в конце концов своеобразное эхо той или иной эпохи, жаждущей сказать свое неповторимое слово. Не с кого спросить, если бывало что-то не так, некому ставить в заслугу, если все ладилось и получалось. Самое главное: поэзию в университете всегда встречали как чужаковатую, но интересную гостью, а если она капризничала, то никакими прианками зазвать ее было невозможно. Разумеется, были потуги направить ее в «нужное» русло, взять под идеологический контроль, подчинить злобе дня, однако «послушная» поэзия оборачивалась пустопорожней казеншиной, худосочными рифмованными поделками. А верная самой себе звучала либо в узком кругу, либо пряталась в записных книжках до лучших времен, но иногда прорывалась через контрольные посты на сцену.

Со времен Е. Болховитинова Воронеж по праву мог называться одним из крупнейших «культурных гнезд» России. Для обретения полноценного статуса подобного «гнезда» ему не хватало собственного университета, об учреждении которого местная интеллигенция стала беспокоиться перед революцией. Вынужденная передислокация Юрьевского университета открыла новые возможности культурного влияния на наш регион. Правительственный комиссар, поддерживая эту передислокацию, характеризовал университет как «истинный рассадник культуры и знаний». Что же касается литературной жизни, то она стала в первые годы советской власти поистине массовой. Открывались новые газеты и журналы, стихи звучали и печатались везде и всюду, авторы словно соревновались перевести все происходящее на стихи, при этом непременно перекричать друг друга (в одном из рассказов А. Платонова даже чиновник пишет докладную записку в стихах). Студенты и преподаватели университета не отставали в этом стремлении выговориться, творить новую, пролетарскую культуру. Их имена появлялись на страницах почти всех периодических изданий, в перечнях членов редколлегий, в составах литературных групп и объединений («Пестрая ватага», «Чернозем» и др.): Е. Петухов, Л. Плоткин, А. Путинцев, Н. Романов, Н. Романовский, Г. Рыжманов, Н. Самбикин, М. Сергеенко, М. Храпченко и др. Самый характерный образец послереволюционной поэзии можно увидеть в «Марше синеглазников», стремящихся «прямыми словами» проводить прямую классовую линию.

*Мы не бояны-соловьи.
Мы только гайки великой спайки
Одной трудящейся семьи.*

Воронеж посещают (а некоторые остаются тут на длительное время) многие известные писатели: В. Нарбут, В. Шкловский, В. Маяковский, А. Жаров, А. Новиков-Прибой, А. Караваева, А. Серафимович, М. Кольцов, а из иностранных — Поль Вайян-Кутюрье и Бернард Шоу.

В 20-е годы особой известностью пользовались в университете поэты-математики Н. П. Самбикин и его ученик Н. А. Романов. Доцент Самбикин — божьей милостью педагог, остроумец и насмешник, заядлый театрал, незаурядный самодеятельный актер, декламатор, играл на пианино и сочинял стихи, написал «Историю русского театра», «Историю математики», пытался решить теорему

Ферма. Кроме того, в нем клокотал темперамент политического трибуна, рвущегося на баррикады. В 1907 году он окончил физмат Юрьевского университета, был оставлен при кафедре, однако попал в тюрьму, а затем в ссылку, 3 года жил под надзором полиции. «Я склонен был к различным приключениям», — признается он в написанной стихами «Моей автобиографии». С 1918 года и до конца жизни (он умер в 1928 году в неполных 43 года) Н. П. Самбикин неутомимо, как говорится, на износ работал в университете и других учебных заведениях Воронежа. При этом непрерывно что-нибудь сочинял: пародии, эпиграммы, посвящения, тосты, пьесы, послания и т. п. Дома он устраивал музыкальные вечера, где разыгрывались миниатюры, читали стихи, сам он читал и свое, и чужое, читал превосходно, богатым поставленным голосом. В его доме, по свидетельству О. Ласунского, царил вольномыслие, стукачей среди гостей не было: «Здесь кипели высокие страсти, и «хохмачество» зачастую являлось всего лишь защитной оболочкой. В этом роскошном обществе закалялся ум, оттачивались мнения, формировались эстетические вкусы». Тут не раз бывал его ученик Н. Романов.

Н. Самбикин, пожалуй, самый университетский поэт, он почти ничего не писал (по крайней мере нам неизвестно) на общие темы: только о себе, о своих коллегах, о студентах, об университете, по его стихам, как по ступенькам, можно входить в те далекие 20-е годы, в университетские коридоры и аудитории, окунаться в студенческие страсти перед экзаменами и зачетами, подслушивать характеристики преподавателей — нередко острые, с перчиком. При всей своей разносторонней одаренности Н. Самбикин — поэт готовых форм, виртуозный стилизатор, для которого стих будто арендованный дом, в котором он временно проживает со всеми своими мыслями. Это стих начитанного человека, которому известен весь арсенал поэтизмов, размеров и жанров. Когда он пишет о своем, он хорошо слышит какое-то стихотворение другого поэта и удачно внедряется в его интонацию и ритм, не теряя собственного лица. Вот, например, его строки из стихотворения «К отъезду Н. Н. Бурденко из Воронежа...»

*Недаром ректор, наш отец,
Сказал однажды: «Эх, Воронеж,
Ведь ты Бурденко проворонишь».
И проворонил наконец...*

Кто не услышит тут пушкинского «Онегина»? Правда, «Воронеж — проворонишь»

звучит уже по-мандельштамовски, но написано на 12 лет раньше. Самбикин предсказывает своему другу великое будущее, знает, что большому кораблю нужно большое море, но как не жалеть о его отъезде?

*Но ты летишь в другие страны,
К другим стремишься берегам...
И мастерски лечивший раны,
Теперь наносишь рану сам.*

Что бы он ни писал, он делает это всегда «на уровне», виртуозно, технически безупречно. От его водевиля «Юбилей. Самочувствование математиков Воронежского государственного университета» (1924) невозможно оторваться: исполнено остроумно, пародийно-весело. С тонким проникновением в повадки и характеры персонажей, которыми являются профессора, доценты и ассистенты физмата, среди которых и сам автор, причем все выступают под собственными фамилиями. Этот водевиль можно разыграть и на нынешней сцене, многие увидят там самих себя, ощутят непреходящий зуд «самочувствования», суету «Юбкома» (юбилейного комитета). А ведь Маяковский предупреждал: «Не юбилейте!» Особой популярностью пользовалось стихотворение Н. Самбикина «Воронежское избиение младенцев. Правдивое описание коллоквиума в Воронежском государственном университете (на физико-математическом факультете) в сентябре 1921 года». Такое длинное название (да и по объему оно в 400 строк) пародийно соотносится с XVIII веком, но в этих строках пульсирует живая вузовская реальность. Стихотворение с огромным успехом было прочитано со сцены, автора на руках носили по кругу через весь зал. Столь же остроумно, точным и выразительным словом написана «Моя автобиография», напечатанная в стенной газете «Красный университет» (1927). О своем затейливом характере, испытаниях и приключениях Н. Самбикин рассказывает без обычного самолюбования и «приподнимания» над другими, порой разговорно сниженно.

*Таскался по урокам
И математику (конечно, за гроши)
Преподавал различным Митрофанам.
Жил впроголодь, ходил в пальтишке драгом.*

А вот как воспринимают его персонажи пьесы «Алгебра. Заметки случайного наблюдателя, без начала и конца, с одной истерикой и несколькими провалами», выбирающие, кому сдавать экзамен. Правда, Маша

уже сдала и советует подруге Любе идти к Самбикину: «Как будто веселее Из всех страшилиш этих злых Самбикин, да?» Люба возражает, видимо, уже побывала под его испытующим огнем.

*Хорош он для иных,
а в общем он изрядная заноза:
скорей шиповник он, чем роза!
Смеется, шутит он, острит,
сама смеешься с ним неволью,
а смотришь — он уколет больно,
хоть вид веселый сохранит.
В его лице насмешки я читаю,
И я Сушкевича ему предпочитаю.*

Оказывается, все «миром мазаны одним», все «как волки загрызут», только появившись перед ними. Поединок с преподавателями закончился поражением студентов, однако виноваты в этом, конечно же, преподаватели. Как было, как будет, как всегда. В «Воронежском избиении младенцев» профессор Сахаров экзаменует прелестную Аннет, которая сидит перед ним с чистым листом бумаги и печатью молчания на устах.

*Она о свете не читала.
О звуке — звука не слыхала,
И знает только теплоту.
Но преимущественно ту,
Что сердце девы согревает,
Огнем воспаляет кровь,
Когда ей милый напеваёт
Про счастье, ласки и любовь.*

Не ответив на вопросы о свете, звуке и теплоте, Аннет с оскорблением воспринимает все последующие вопросы экзаменатора.

*Еще вопрос о силе тока
Тихонько задал физик мой.
И тут, смутившись в высшей мере,
Анюта нежным голоском
Шепнула что-то об ампере
И приплела к чему-то ом,
Но по созвучию с ампером
С игривой легкостью ума
Смешала вольт она с Вольтером
И снова сделалась нема...*

О смелости и независимости Н. Самбикина свидетельствует такой случай. В ноябре 1926 года он присутствовал на выступлении в Большом театре приехавшего в Воронеж Маяковского. В. Ф. Пименов вспоминал: «Я сидел в четвертом ряду с профессором Николаем Петровичем Самбикиным. Самбикину выступление Маяковского не понравилось, он встал и ушел из зала. Владимир Владимиро-

вич, глядя ему вслед, сказал: «Ах, какой вы из ряда вон выходящий». Это так бы и осталось смешным эпизодом, если бы не открылось, что возмутило Самбикина. Из отчета Гублита, опубликованного краеведом А. И. Гайворонским, узнаем: «Часть аудитории из местной буржуазии и интеллигенции осталась «обиженной» отношением Маяковского к аудитории и отношением его к Есенину». Вероятно, Маяковский планировал задержаться в Воронеже, т. к. «Коммуна» сообщила, что он «выступит 1 или 2 декабря в актовом зале ВГУ». Вероятно и то, что Маяковский, почувствовав нерасположенность интеллигенции, решил не выступать в университете. Какое знаковое событие не состоялось в наших стенах и как долго мы бы его помнили...

Под стать Н. П. Самбикину был его ученик Николай Александрович Романов, окончивший физмат в 1924 году: выдающийся математик, поэт, музыкант, художник, обаятельнейшая личность, в полной мере соответствующая человеческому идеалу человека, в котором «все должно быть прекрасно». Его справедливо называют одним из основоположников советской кибернетики. О многом говорит уже то, с кем он встречался или работал: И. П. Павлов, Н. Бор, Г. Уэллс, М. Нестеров, А. П. Киселев (автор прославленных учебников).

Сборник стихов Н. Романова «Мой век» вышел в издательстве «Коммуна» в 1930 году под псевдонимом Николай Юр. Принадлежность сборника Романову подтвердил его ровесник, также выпускник физмата ВГУ, М. С. Зверев, а его некоторую загадочность и странность объяснил О. Ласунский: фамилия, имя и отчество поэта полностью совпали с теми же данными последнего русского царя, поэтому он оставил только имя, а Юр — усеченная фамилия матери (Юрьева). «Мой век» — маленькая, в четверть листа книжица объемом 48 страниц, в ней всего 19 стихотворений, зато тираж по нынешним временам солидный — 2150 экземпляров. Эту книжицу читали, кто-то оставил на полях пометки, а М. Серков написал на нее тогда же рецензию (опубликована в газете «Коммуна»). Все ее страницы овеяны романтическими порывами 20-х годов, однако романтизм Н. Романова менее всего воинственный, завоевательный, как у некоторых «юношей 41-го года». Романтика его научно-практического свойства. Он не принимает ярость пещерного человека, который «скрипя зубами вражье горло грыз».

*Теперь
Соперники
Другую драку знают,
Черпая мошь
Из кладовых ума.*

Н. Романов чувствует себя своим среди реалий культуры: стихи, песни, музыка, книги, радио, скрипка, философский спор, наскальная живопись, имена ученых и т. п. В духе времени противопоставляя прошлое и настоящее (разумеется, в пользу последнего), он ни на мгновение не отказывается от того, что получено нами в наследство, не охаивает «проклятое прошлое», как это было в массовой поэзии тех лет. В стихотворении «У памятника» (судя по всему И. Никитину) он пишет:

*Те слова,
Что плакали и пели
В тростниковой, гулкой тишине,
Мы любовно
Сохранить сумели
В нашей перестроенной стране.*

Но поэт живет не только прошлым и настоящим, он прозревает будущее, он весь — ожидание и порыв. Его будущее — не реклама и лозунги, а воплощенное видение разума. В стихотворении «У радиоприемника» (1928), написанном 4 года спустя после окончания университета, он намечает ближайшую перспективу.

*С каждым днем
Расцвет земли чудесней...
Из года в год
Бурливей льется жизнь...
Сегодня здесь
Звемим стальной песней,
А завтра
В звезды
Кинем нашу мысль.*

Тут работает не только мысль поэта, но и сам стих: он, словно ступени, возносит мечту на высоту воплощения, при этом здесь нет ни одного оглушающего восклицательного знака, а только многоточия. Значит, не все так просто. В «Стихах о звездах» он зовет своего читателя на улицу — удивить его, показать Альдебаран и древние Плеяды, расшевелить его душу.

*Нам в этой жизни
Многое дано,
А мы,
Слепцы,
Подчас проходим мимо...*

Звезды, конечно, не слышат наших распрей и битв, но это не остановит нашего порыва к ним.

*И в пустоту,
Откуда синий свет
Тысячелетья
Льется
Без ответа,
С тобою вместе
Мы пошлем привет
Мечтателям
Иной планеты.*

Звездная тема вовсе не случайна в поэзии Н. Романова. Еще до поступления в университет он, по словам М. С. Зверева, глубоко интересовался «проблемами естествознания, в особенности астрономии». И не только интересовался, но и действовал. Вместе с другом они организовали астрономическую секцию при молодежном кружке «Юное творчество», ставшую вскоре самостоятельным кружком «Астероид»: «Лидером и душой его был Н. А. Романов». С большим трудом вылопотали для кружка комнату с балконом, где установили телескоп, «рассматривали Луну, планеты, двойные звезды». Одно из занятий кружка посетил А. П. Киселев.

Романов хотел, чтобы не только Земля и звезды, но и весь магнитный эфир работали на социализм. Он славил смелых покорителей-первооткрывателей, совершающих великие открытия «на излучке великих дней». Он догадывается, что наступает новый век — яркий, грозный, трагический и захватывающий.

*О, великая сказка времен!
Ты сплела удивительный век!
Новых дней величавый циклон
Над землею завил человек.*

Разве не в рукотворных циклонах живем мы теперь? Романов мыслит широко, видит далеко, в его поэтическом сознании пульсируют не только дни и годы пятилетки (как у большинства его современников), а целые века, большие цивилизационные периоды, не только пространства Страны Советов, но весь подлунный мир в его прошлом, настоящем и будущем. Он не боится своего громокипящего времени, а готов броситься в него с головой, чтобы водрузить победный флаг на другом берегу. Послушаем, как он характеризует это самое время: «Из года в год бурливей льется жизнь», «В нежном вихре сонмы дней летели», «Синий свет тысячелетья льется», «На излучке великих дней», «Великая сказка времен»,

«Новых дней величавый циклон», «Дыханье буйных лет», «И шум грядущего сильней свистит в ушах» и т. п. Наконец, как он видит век целиком, который непременно называет «мой век»: «удивительный век», «опаленный бурей век», «я полюбил свой гордый век» и др. Название «Мой век» он дал не только отдельному стихотворению, но и всему сборнику, тем самым как бы наведя свой мысленный фокус на все, о чем говорится в сборнике. Он смотрит на происходящее глазами историка, который вопьет когда-то свой пылливый взгляд в пафос отпылавших дней.

*И он увидит. Как хитро,
Как радостно
И вдохновенно
Мы вырвем атома ядро
Из покоренных недр вселенной.*

В письмах сестре он признавался: «Мне кажется иногда, что я не вмещу всего этого вихря мыслей и чувств, бунтующих во мне». Говорил о своем «расточительном сердце» (к сожалению, больном: оно остановилось на сороковом году жизни), о том, что он «все время в некотором повышенном настроении», что он «в трепете и в экстазе». В его стихах слышится между строк какая-то подспудная печаль и грусть, не обо всем говорит он прямым текстом, его тонкая музыкальная душа улавливает и траурные мелодии 30-х годов.

*Я думал, время
Пройдет беспечно —
Ниткой катушки
Далекой, длинной, неуловимой —
Иначе вышло.*

Нет, не сказочным клубочком или катушкой покатишься к счастью жизнь: «Нам представляется мир радуги и ласки, как мы жили в детстве. А он сложный, странный и трудный». О многом говорит и то, что романсы свои он писал на «прошальные» стихи Есенина и Пушкина: «До свиданья, друг мой, до свиданья», «Цветы мне говорят, прощай», «Цветы последние». Он любил слушать гудки поездов на рассвете, которые доносят до него отголоски «прекрасного и широкого» мира, завлекающего «сложностью своей», пробуждающего надежды.

*Может быть, бесцельны ожидания,
Впереди, как и до этих пор
Одиночества тревожные исканья,
Чей-то дальний взгляд... Немой укор.
Отчего поюшая безбрежность
Порождает странную печаль?
Отчего тревожит эта нежность
Звука, улетающего вдаль?*

По силе духа, по обилию дарований, по какой-то мощартианской человечности Н. Романов — личность для XX века уникальная, редкостная. В нем органично сплавились образованность и непосредственность, высокая культура и простота, пафос познания и творческая предрасположенность, интеллигентность и моральная категоричность. Воспаряя до звезд, он оставался открытым, живым, дружелюбным человеком, а в стихах не хотел быть абстракцией, безличным голосом Эпохи. Во многих стихотворениях запечатлен его реальный портрет, приметы домашней обстановки, его излюбленные занятия: игра в шахматы, на скрипке, писание стихов, прогулки и беседы. Как в тайном грехе, признается он в том, что мечтает о славе, что по-доброму завидует угольщику, который играет с детьми и своими черными лапами вымазывает их рожицы, чем они очень довольны. С любовью оглядывая весенний мир, он набрасывает на его фоне свой портрет.

*Лохматый и рыжий,
Приятель ветрам,
От солнца
Улыбчив и кроток,
Я рад прислонить
На расселины рам
Шершавый свой подбородок.*

Мы видим его в рабочем кабинете с ворохом книг на столе и радиоприемником, наблюдаем, как он пишет любимой, как ладит к левому плечу скрипку и трогает струны смычком.

*И качаясь,
Пылкий и лохматый,
Прядь волос
Откинувши назад,
Я врываюсь
Стройною сонатой
В лепестковый,
Яблоневый сад.*

И это не шегольство, не дразнилка для публики, привыкшей читать в стихах о грохоте станков и моторов, а тот самый момент, когда ничем, никакими словами не выразить всего, что на душе, кроме как музыкой, к тому же собственного сочинения.

*В нежном вихре
Сонмы дней летели,
Осыпалась
Пылью канифоль,
А в дрожащем
Деревянном теле
Пела
Человеческая боль.*

Отчего, откуда вдруг эта боль? Эти «затаенные думы», «порезы сердца», скорбь, горький шум грядущего, радости, «которых нам увидеть не пришлось»? Ведь он хотел жить и чувствовать совсем иначе.

*Дышать и двигаться легко,
Глядеть на мир
Светло и мудро.*

Не вышло. Сам не дашь воли тревожным вопросам, зададут тебе другие, как в стихотворении «Встреча».

*И тот, кто смотрит
На меня в упор,
С какого-то
Ничтожного вопроса
Глубокий
Начинает разговор.*

Собеседник, словно по листам неведомой книги, выкладывает «всю скорбь свою и жизнь».

*И снова жжет и лечит
Порезы сердца
Вдумчивая речь.*

Видимо, такая обжигающая правда звучала в словах попутчика, что обоим трудно ее вынести. Недаром тот ушел в глухую ночь, сойдя на каком-то пустынном полустанке. Н. Романов порой задумывается: нужна ли его поэзия «хмурым людям» (так названо одно из его стихотворений), людям, которые «осенней стужи нудней»? У таких людей все пропаще и беспросветно: тоска и зевота в собственных стенах, скелеты засохших мух на обоях, жизнь без обновления, «без бурь, без перемен», точно сон.

*И может быть, мое стихотворенье,
Где юных чувств взволнованная дрожь,
Возьмут они
На банку для варенья
Иль просто сунут в кончики галош.*

Как гражданин и поэт он готов был к исполнению своего долга перед историей и людьми, какие бы грозные обстоятельства ни обступали его.

*Но время
И лицо свое
Ты четко выразить обязан.*

Всю жизнь он сочинял стихи и музыку, рисовал, изучал иностранные языки, опережал мыслью время. «Для чего ж мой слух так странно чуток?» — спрашивал он. Зачем впелась в его сердце «золотая нить»? Ради того, чтобы прозреть будущее, чтобы одарить

людей добром и любовью. В лице Н. Романо-ва мы потеряли поэта-космиста, который по праву мог бы стоять рядом с А. Чижевским. В стихотворении «Звездная ракета (будущим космонавтам)», написанном в 1938 году, он словно заглянул в наши дни.

*По дороге странствий звездных
Мы летим к далекой цели.*

*Не нужны теперь нам крылья,
Прочь сомненья и усталость.
Все, что думалось — свершилось,
Все сбылось, что обещалось.*

*Нам неведомая лира
Новый выберет фарватер.
В темной пропасти эфира
Нам сверкает лунный кратер.*

Горячий, одухотворенный, романтически настроенный, Н. Романов любил родную страну, родной университет и всего себя отдал беззаветному служению науке, как и его великие учителя. В стихотворении «ВГУ» он писал:

*Жизнь нам ставит новые зачеты...
Эта юность нам затем дана,
Чтоб цвела великою работой
Нераспаханная страна.*

*Но, свершая нужные задания,
Никогда
Забить я не смогу
Желтое
Облупленное зданье
И родное сердцу — ВГУ.*

С конца 20-х и вплоть до начала 50-х годов университетский корабль плывет между Сциллой культуры, знания, науки и Харибдой классовой бдительности, политического остракизма и мракобесия. Появление в 1929 году печатной газеты, в духе времени названной «Красный университет», дает нам возможность держать руку на пульсе внутри-университетской жизни, прежде всего общественной и культурной. Университет движется в кильватере классовой борьбы, воинствующего материализма, периодических чисток «рядов» от перерожденцев, антисемитов, замаскировавшихся и явных врагов. Начинаются гонения на ученых, занесших в Воронеж дух Юрьевского свободомыслия и понимания науки как внеклассового феномена. Каждый мог ожидать, что в любой момент над ним будет занесена дубина классового гнева. Уже во втором номере «Красного университета» эта

дубина нависла над профессором М. Крашенинниковым и даже над студентами, членами литературно-творческого кружка. Некто К-ов писал: «Кружок пока не имеет четкого творческого лица. Были случаи проникновения реакционных мотивов в творчество некоторых членов. Нездоровому явлению... был дан дружный отпор самими же кружковцами».

К счастью, не все поддавалось политическому замораживанию, даже под слоем льда пульсировало что-то живое и непредусмотренное. Работали кружки, на которых звучали доклады, стихи, аналитические разборы, бюро литкружка издавало свой рукописный ежесычаник. Правда, на страницы «Красного университета» творческая продукция литкружка почти не попадала — либо по идеологическим мотивам, либо по малохудожественности. А если попадала, то это были типичные агитки и лозунги, кое-как сбитые в стихотворные строчки, славящие колхозы, трактора, новую жизнь, незабвенного Ильича, дорогой которого молодежь идет в «комсомольском бодром коллективе». Круг тем и даже набор слов как будто кем-то заданный: коллективизация, агропоходы, красные обозы, пятилетка, смычка, темпы, чистки, победные знамена и т. п. Штатный поэт на страницах газеты этих лет — Г. Рыжманов, постоянно славящий колхозы, весну, высокие урожаи и т. п.

*Мы научим Дунях и Иванов
Строить светлую чистую жизнь.*

Газета пыталась обороняться от наплыва подобных стихов, завела рубрику «Почтовый ящик», где часто «давала сдачу»: «Стихотворение не пойдет. Очень слабо написано». Легко представить, каким было это «очень слабо», если печатали, не считая слабыми, вот эти стихи Г. Рыжманова:

*Мы зажили совсем наизнанку.
Частной рухляди нашей капут.
На версту распахали делянку,
Прямо чудом дела наши прут.*

Год спустя после открытия газеты в ней появилась заметка «Литературная жизнь ВГУ» — какое интригующее и важное для нас название! Сообщалось о вечере комсомольских поэтов в клубе им. Карла Маркса, в репертуаре которого были стихи Жарова, Светлова, Уткина, Голодного. А через десять дней уже в самом ВГУ был устроен вечер университетских поэтов, на котором выступили Рыжманов, Ашурков, Ковалев, Реутов, Сергиенко и др. «Огромное количество студентов», как сообщала газета, привлек вечер памяти Маяковского. Это побудило газету призвать

Газета «Красный университет», 1929 г.

Сборник Н. П. Самбикина «Ребусы»

Поэтический сборник Николая Юр «Мой век»

Газета «За научные кадры», 1935 г.

университетские организации «развернуть массовую литературную работу, используя интересы студенчества».

Один из парадоксов тех лет: власти видят, как малознаюша и малограмотна студенческая молодежь (в основном пролетарски-крестьянская), как невыгодно отличается она от приехавших сюда Юрьевских студентов, всячески побуждают ее к культурному росту и в то же время с неистовой последовательностью искореняют дух Юрьевского университета, изгоняют старых профессоров, борются с собственной библиотекой! — якобы опасным идеологическим фронтом, печатают малограмотные, примитивные стихи и антинаучные, насквозь политизированные выпады, призывают «ударников» в литературу. Д. Кудрявцев с гордостью сообщает: «В области развития литературы в ЦЧО и по призыву ударников в литературу несомненно сыграл большую роль наш ВГУ». Наши всюду: в правлении РАПП, в газетах и журналах, на заводах и фабриках — в качестве организаторов и руководителей кружков и т. д. Не знаешь, радоваться этому или печалиться? Скорее, второе, если прочитать вирши одного из ударников, которые не отнесли в разряд «очень слабых».

*Дружнее, студент, за учебу берися!
Смелее с наукою в бой выступиай.
Сполна овладеть ей быстрее стремися,
Умом и желаньем свой путь пробивай.*

Отношение к пишущим — командное, приказное, слова «должны» и «обязаны» самые ходовые. На каком-то этапе (с момента закрытия педфака) возобладала односторонне технократическая подготовка спецов, которая уже тогда вызывала сопротивление. По мнению Горденича, она «задавит студента, будущего специалиста высшей квалификации, человека, который должен быть в высшей степени культурным». После ликвидации педфака «Красный университет» почти на три года закрылся для стихов. Это был самый мрачный период в истории университета, он стал напоминать военизированный лагерь. Тот же Горденич писал: «Очень редко можно увидеть студента, который бы читал художественную литературу, интересовался ею» — только учебники. Если это не преувеличение, то как можно называться университетом? Усилиями властей он превращается в идеологический бастион, однако студенты хотят видеть его «университетом культуры». Студкоры биофака пишут в газету: «Нам во многих случаях свойственно невежество по самым простым вопросам общей культуры», овладевая научными знаниями, «мы отстаем

в познании источников человеческой культуры». Учебные программы нередко вводили от этих источников (якобы расслабляющих и вообще вредных). Оставалось надеяться только на внеаудиторные возможности. Редакция, помешая, наконец, стихи К. Гусева, просит присылать на них отзывы, а также пожелания по структуре возрождаемой «Литературной страницы». Молодой поэт-географ выступает за высокое качество стиха, борется против всяческого хлама, «стихов-игрушек», халтуры и безответственности. Никому не нужно делать скидок, ибо «в стихе студент такой же мастер Задорной мысли и пера».

*Своей поспешностью халтурной
Мы оставляем грязный след.
Не делайте культурной урны
Наш «Красный университет».*

Идеологические шоры, напускная суровость и культурная сухомытка, внедряемые в университетскую жизнь, побуждают К. Гусева выразить противоположные настроения.

*Мы затем в этот мир пришли,
Чтоб разлить свой весенний смех,
Пусть сползает со шек земли
Посеревший и грязный снег.*

*Мы пройдем по продрогшей земле,
Всюду смех и веселье всеяя,
Пусть, как мы в девятнадцать лет,
Расцветет и окрепнет земля.*

Живой человек не вписывался в систему, не хотел быть ее подобием, и это спасало от омертвления души и духа. Правда, не вписавшиеся либо замолкали, либо оказывались «в местах не столь отдаленных», либо погибали. Трудно, невозможно себе представить в обстановке 30-х годов Н. П. Самбикина или Н. А. Романова, их бы немедля размолоти репрессивные жернова.

Что-то живое, человеческое стало поступать в содержание газеты к середине 30-х годов — недаром она сменила свое одиозное название на призывно-академическое «За научные кадры». В начале 1936 года редакция заявила, что «начинает выходить два раза в месяц «литературная страница», призванная решать задачу повышения литературной культуры студентов». Газета обещает публиковать стихи, рассказы, очерки, критические статьи, рецензии на новые книги, разбор отдельных произведений и т. п. Да это же программа полноценного литературного журнала! Разумеется, для малотиражки она была невыполнимой. На одном из заседаний «были разобраны произведения члена литературно-

го кружка К. Гусева. Прения прошли очень интересно и оживленно. Были вскрыты (показательное словечко! — В. А.) достоинства и недостатки его стихотворений». На кружке было решено «выпустить уже в этом году первый номер своего рукописного журнала». Был ли он выпущен? Сохранился ли?

Константин Гусев — центральная фигура в поэтическом отряде университета 30-х годов. Он вполне на уровне, даже с каким-то изяществом вписывается в официальную идеологию, в его стихах — свободный, счастливый, не знающий нужды и горя человек, которого уверенно ведут дорогой побед дорогие вожди.

*Свежа моя жизнь, как весна,
Прекрасна, как бой и победа.
Могу я смеяться и петь.
Безоблачен путь мой и светел.
Вчера и сегодня, и впредь —
Я самый счастливый на свете.*

Подобные настроения заполнили массовую поэзию, однако вряд ли они выражали действительное «самостоянье» человека: это был политический заказ первого в мире социалистического государства. Даже после всего, что пережила страна на рубежах «великого перелома» (раскулачивание, выселение, голодомор, показательные судилища, расстрелы), даже под наползающими тучами Второй мировой удавалось петь о наступающем рае. Открывая 1941 год «Новогодней песней», В. Тринин пишет:

*Растет молодежь боевая
В лучах всенародной свободы,
Шагая навстречу работе,
Навстречу счастливой судьбе.*

На эту «песню», словно соловей на ветке, отзывается Г. Липсон.

*Все у нас молодо:
жизнь и дела,
Звучные песни,
хорошая память.
Все, что нам родина
наша дала,
Все, что и в будущем
будет за нами.*

Подобными словесами поэты, очевидно, хотели заглушить свои истинные настроения, все, что поднималось со дна души и просило Слова.

*Все ушло куда-то
в радостном порыве,
Что рождает в людях
скорость и простор.*

*Где же тут останется
место для печали!*

Наверное, многие ошущали избыточность и даже ненужность подобного бодрячества. Автор заметки «Обзор газет» Мазо недоволен тем, что в стенгазете «Компас» две колонки заняты стихами: «Целесообразно ли такое расточительство газетной площади? Ведь газета выходит один раз в 15—20 дней. Не лучше ли заполнить ее материалом о повседневной работе и учебе на факультете»? Это единственный известный нам случай, когда в университете пожалели бумаги для стихов. Значит, стихи того заслуживали. Жаль только, что это обнаружилось накануне великих испытаний...

Первые послевоенные студенты пришли с фронтов, с оккупированных территорий, из многострадальных недалгих и глубоких тылов, из военного детства. Они принесли в своих стихах память войны и победы, преклонение перед подвигом народа, переживания долгожданного мира, радость человека, сменившего автомат на книгу, окоп и землянку на аудиторию. Сама учеба — пусть в холоде и голоде, в кирпичной пыли, сидя на патронных ящиках — казалась им наградой и праздником. Я. И. Гудошников, будущий декан филологического факультета, пылливо и восторженно оглядывал новую для него жизнь.

*Здесь беседа идет о запасах земных,
Вспоминают античные мифы,
Менделеева, Дарвина — много иных,
Цифры, схемы, слова, логарифмы...
Голос лектора льется, взволнован слегка,
Герьев скрип, легкий шорох тетрадей,
Демонстрируя лучших, проходят века,
Будто армий поток на параде.*

Произошла решительная смена поколений, в аудиториях и на страницах газеты зазвучали новые имена: Я. Гудошников, Н. Голицын, И. Ефремов, И. Толстой, Г. Антюхин, В. Масик, Е. Пульвер, С. Титов, Б. Удодов, В. Вороненков, И. Жарких, А. Абрамов, В. Тупикин и др. На их долю выпало восстанавливать, возрождать родной университет, укреплять его материальную базу и духовный фундамент, приумножать его научно-педагогический и культурный потенциал. Возобновляет свою работу (в мае 1947 года) литературный кружок, но теперь уже не при клубе университета, а при редакции газеты «За научные кадры» (это вроде бы формальное переупрепление сыграло выдающуюся роль в судьбах университетской поэзии, в частности, Дней поэзии ВГУ). В течение года было про-

ведено более 30 заседаний кружка, в которых принимали участие преподаватели, студенты, воронежские писатели М. Аметистов, О. Кротова, В. Петров, М. Подобедов, П. Прудковский. «Молодые писатели и поэты, — сообщал Г. Антюхин, — обсуждают свои произведения и отбирают лучшие для напечатания в специальной сборнике». Вскоре эти стихи появились в альманахе «Литературный Воронеж». Проникновенные строки посвятил 30-летию университета студент-филолог, вчерашний фронтовик Я. Гудошников.

*Обещаю от сердца платить, ВГУ,
Первым в мире богатством — работой!*

Но как и прежде, в массовом стиховом потоке главный фарватер образует агитпоэзия, призывы, лозунги, победные реляции, словословия партии, Ленина, Сталина: «Знамя партии нас осеняет» (Г. Антюхин), «Побеждать и в бою, и в колхозе» (С. Титов), «Каждый год победы наши множит» (И. Жарких), «Наша жизнь многоцветней любого романа, Час достоин победы, минута — стихов» (Я. Гудошников). Все это на одной «Литературной странице» от 7 ноября 1948 года. Понятное дело — праздник, годовщина Октября, но и будни не отставали.

Как бы ни были закручены цензурные гайки, на страницах газеты все же печатались стихи о природе, о любви, о сердечных тайнах. Медленно, но происходит неуклонное оттаивание от войны, от нечеловеческого перенапряжения, от страха. Правда, ледяные торосы не так-то просто пробить. Появляется угрожающее «очистим наши ряды от космополитов и формалистов в науке», наклеиваются характерные для 30-х годов ярлыки: «Чтобы навсегда избавиться от космополитов, формалистов и всякого рода диверсантов в науке и искусстве, надо все эти ядовитые растения вырывать с корнем» (1949). Любопытно, что еще в 1947 году студент 2 курса истфилфака Е. Пульвер, как бы предвидя всю эту вакханалию, выступил в газете с эпиграммой «О влиянии», высмеивающей и крайности компаративизма, и крайности борьбы с ним.

*Не лишена интереса
Работа критика Олухова:
О влиянии Сервантеса
На Михаила Шолохова.*

*Нужен очень тонкий ход,
Чтоб сравнить писания.
Тихий Дон и Дон-Кихот —
Разве не влияние?*

Образ и дух Сталина (особенно в год его юбилея) находят повсюду, даже там, где его никогда не было. Так, Е. П. Андреева в обзоре «Образ Сталина в советской литературе» сделала своеобразное открытие: «Интересной особенностью указанных произведений является то, что в них был создан невидимый (!), но вполне реальный по своей жизненности образ товарища Сталина».

На «Литературных страницах» начала 50-х годов появляются имена поэтов, которым суждено было стать первооткрывателями Дня поэзии ВГУ: А. Беляев, Д. Демин, О. Гуков, В. Чесноков, В. Гусев, Л. Горбачева, И. Озерова, В. Мирошников, А. Сивков, В. Порядин, В. Татьяна и др. По многим приметам чувствуется, как накапливается, словно весенняя вода подо льдом, творческая энергия, эмоциональнее, возбужденнее становятся люди, как они жаждут новых переживаний, новых форм и слов. В кипучую молодежную среду метеором врывается темпераментный А. М. Абрамов — одна из ярчайших фигур на творческом небосклоне университета. Как никто, он зажигал и сплывал молодежь, находил и благословлял таланты, выступал нестандартно и пламенно, ораторствовал повсюду: в аудитории и в коридоре, на заседаниях кружка и партсобраниях, в общезжитии и на улице, во дворе и дома, словом, везде, где встретит кого-нибудь или где его остановят каким-либо вопросом. Поэты и критики 50—70-х годов — это его творческая гвардия, его воспитанники, ставшие заметными фигурами литературного процесса.

С проблемной и программной статьей, повлиявшей как на работу литобъединения, так и на «зачатие» Дня поэзии ВГУ, выступил в марте 1955 года первокурсник-филолог В. Гусев. Уже о многом говорит начало статьи: «Когда заседает литературное объединение студентов университета, крики разносятся очень далеко». Наступала так называемая «оттепель», раскрепощение умов и сердец, иной становилась и университетская поэзия. Но это уже новая страница ее истории...

